

# МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ: ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ,  
ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Е.Примаков.</b> Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы . . . . .	3
ПРОБЛЕМЫ. КОНТИНЕНТЫ	

<b>Ж.Медведев.</b> Холодная война закончилась, торговая война продолжается . . . . .	14
<b>В.Сафрончук.</b> Дипломатическая история "Бури в пустыне" . . . . .	23
<b>В.Лопатов.</b> Российско-африканское сотрудничество. Реальные возможности в новых условиях . . . . .	33
<b>В.Щетинин.</b> Под знаком Чингисхана . . . . .	39
<b>М.Кокеев.</b> Надежность работающего демократизма . . . . .	49
ТОЧКА ЗРЕНИЯ	

<b>В.Шлыков.</b> Роковые просчеты американской и советской разведок—2 . . . . .	57
<b>Р.Абазов.</b> Диалог Россия — АСЕАН в контексте XXI века . . . . .	66

<b>Проблемы вхождения России в мировое хозяйство</b> Доклад Института внешнеэкономических исследований РАН . . . . .	70
СВЯЗЬ ВРЕМЕН	

<b>Г.Тахненко.</b> 50 лет назад заключен Мирный договор с Италией. . . . .	81
<b>Г.Пескова.</b> Дорога испытаний. К 100-летию КВЖД . . . . .	92
<b>Ю.Алимов, Ю.Стрижов.</b> Первый международный конгресс по истории дипломатии . . . . .	103
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ	

<b>Ю.Дрожжин.</b> О русской дипломатической миссии в США в 1871—1872 годах . . . . .	109
---	-----

10

1996

журнал выходит на русском и английском языках

издается с августа 1954 г. • Москва

## **РОКОВЫЕ ПРОСЧЕТЫ АМЕРИКАНСКОЙ И СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДОК — 2**

**Гонка вооружений и экономика**

**В. Шлыков**

**Я ДУМАЮ**, у каждого человека бывают в жизни моменты, когда ему начинает казаться, что сама судьба в облике случая как бы подсказывает ему, что он находится на верном пути.

19 июля 1991 года за подписью председателя Государственного комитета РСФСР по обороне и безопасности генерал-полковника Константина Кобеца была направлена докладная записка Президенту РСФСР Борису Ельцину. Вот ее полный текст.

### **О НЕОБХОДИМОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ОГРАНИЧЕНИЮ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ ЭКОНОМИКИ И СОПОСТАВЛЕНИЮ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ ГОСУДАРСТВ И БЛОКОВ**

Как показало, в частности, обсуждение вопросов мобилизационной подготовки экономики в Комитете Верховного Совета СССР по делам обороны и госбезопасности в апреле 1991 года, Центр планирует резкое расширение своих функций по мобподготовке экономики с приданием себе в этой области диктаторских полномочий.

С этой целью предлагается объединение существующих мобилизационных структур в единую сверхорганизацию во главе с вице-президентом СССР (председатель; заместитель — премьер-министр СССР), охватывающую органы экономической мобилизации на всех уровнях исполнительной власти. Соответствующее мобилизационное законодательство планируется внести на утверждение ВС СССР уже в ближайшие месяцы.

Необходимость ужесточения системы мобилизационной подготовки мотивируется следующим образом:

— отказом многих предприятий, особенно республиканского подчинения, от финансирования мобилизационных мероприятий за счет собственных средств;

— самовольным использованием предприятиями для собственных нужд мобилизационных запасов сырья, материалов и комплектующих;

— требованием военного руководства о расширении мобилизационных мощностей по выпуску военной техники в связи с сокращением наличных вооружений после венских переговоров.

---

*Виталий Васильевич Шлыков — независимый эксперт, заместитель председателя Государственного комитета России по оборонным вопросам, 1990—1992 гг.*

*Вторая статья. Первая — см. "Международная жизнь", 1996 г., №9.*

Главным обоснованием всей существующей системы мобилизационной подготовки в СССР является необходимость уравнивания якобы имеющихся в США и других странах Запада огромных резервных мощностей. Так, советский Генштаб утверждает, что США уже после шестимесячного мобилизационного развертывания могут произвести 50 тыс. танков, а страны Западной Европы — еще 25 тыс. танков в год. В действительности США, например, могут произвести не более 1800 танков в год, и то не ранее, чем через два года после начала мобилизации. Аналогичным образом (зачастую в десятки раз) Генштаб завышает мобилизационные мощности Запада и по большинству других традиционных видов вооружения (самолеты, артиллерийские системы, боеприпасы).

Подобное положение сложилось вследствие полной монополии Генштаба (через Главное разведывательное управление — ГРУ) на выдачу всей информации по военным потенциалам зарубежных стран. Эта информация на протяжении ряда десятилетий подгоняется под консервативные и все более удаляющиеся от действительности взгляды военно-политического руководства СССР на организацию обороны страны.

Какие-либо альтернативные источники информации по вопросам мобподготовки в СССР отсутствуют. Последнее научное подразделение вне ГРУ (в ИМЭМО АН СССР), занимавшееся подобной проблематикой, было упразднено в 1983 году.

Отсутствие в обществе и парламенте понимания проблем мобподготовки в сочетании с их особой засекреченностью делают вполне вероятным принятие Верховным Советом СССР предложений Центра о создании новых, по сути своей чрезвычайных, мобилизационных структур, способных стать серьезным препятствием на пути конверсии и проведения радикальной экономической реформы.

В этих условиях наиболее простым и быстрым способом определения реальных масштабов мобилизационной подготовки в СССР и странах Запада было бы вынесение проблем мобподготовки на международный уровень (например, по типу венских переговоров о сокращении обычных вооружений). Сделать это тем более просто, что все законодательство по мобподготовке, ее организация и финансирование являются на Западе предметом открытого и широкого обсуждения. Контакты с ответственными представителями Пентагона и военных ведомств других стран Запада показали, что Запад готов предоставить СССР или России самые подробные данные по своим системам мобподготовки и имеющимся резервным мощностям по выпуску военной техники. Получение от Запада подобных данных привело бы к быстрому разоблачению фальсифицированных данных Генштаба и, как следствие, к радикальному пересмотру существующей военной доктрины, опирающейся прежде всего на поддержание огромного потенциала по выпуску традиционных вооружений. А это, в свою очередь, открыло бы путь к реальной конверсии и демилитаризации экономики, которые тормозятся сегодня прежде всего нежеланием Генштаба отказаться от сохранения существующих непосильных для экономики резервных мощностей.

В связи с вышеизложенным было бы целесообразно, на наш взгляд, поставить вопросы сопоставления мобилизационных возможностей СССР и других стран в повестку дня политических переговоров руководства России со странами Запада, прежде всего США.

Эта докладная Б.Ельцину целиком и полностью была подготовлена мною. В то время я был заместителем К.Кобеца в ранге замминистра и отвечал в Госкомитете по обороне и безопасности за вопросы военной экономики и конверсии. На работу в Госкомитет (он был создан в июле 1990 года и первоначально называл-

ся Госкомитетом РСФСР по общественной безопасности и взаимодействию с Министерством обороны и КГБ СССР) я пришел в октябре 1990 года с единственной целью — попытаться добиться пересмотра совершенно архаичной и абсурдной, по моему мнению, системы мобилизационной подготовки экономики СССР, которая, в чем я был уверен, неотвратимо вела СССР к экономической или, что еще хуже, военной катастрофе.

К такому выводу я пришел на основании опыта своей работы в ГРУ Генштаба Вооруженных сил СССР, где в 80-х годах возглавлял специальную разведывательную программу по изучению военно-экономических возможностей зарубежных стран. Эта программа была советским аналогом программы ЦРУ СКАМ, о которой шла речь в моей прошлой статье ("Международная жизнь", 1996 г., № 9). Правда, она была несравненно больше по размаху, ибо охватывала весь мир, в то время как программа СКАМ занималась только Советским Союзом.

Конечно, я отдаю себе отчет в том, что мое категорическое и, вероятно, шокирующее утверждение о пагубной роли советской системы мобилизационной подготовки экономики не может быть принято на веру. Поэтому попытаюсь его обосновать. К сожалению, и у общества в целом, и у российского политического руководства, как я неоднократно имел возможность убедиться, представления о мобилизационной подготовке государства к современной войне или близки к нулю, или абсолютно примитивны. Поэтому мое повествование будет с обилием деталей. Это, к сожалению, неизбежно, чтобы читатель смог сам, если пожелает, проверить мои утверждения хотя бы в отношении тех данных, которые относятся к странам Запада.

Однако обо всем по порядку.

Спустя всего несколько дней после отправки письма Б.Ельцину за подписью генерала К.Кобеца, он сам, а также я и другой его заместитель, генерал-майор Юрий Родионов, получили письменные приглашения от американского военного атташе бригадного генерала Грегори Говэна на устраиваемый им 24 июля 1991 года ужин в честь находившегося в то время в Москве с официальным визитом председателя Комитета начальников штабов США генерала Колина Пауэлла. Надо сказать, что до этого американский военный атташат избегал контактов с нашим Госкомитетом, ссылаясь на то, что его персонал был аккредитован при Минобороны СССР и не мог поэтому поддерживать официальные контакты с правительственными структурами РСФСР.

Это неожиданное приглашение убедило нас, что американцы постепенно отходят от своей односторонней ориентации на Михаила Горбачева и начинают всерьез интересоваться российскими политиками, в том числе и военными.

Дружественный и неформальный характер приема подкрепил эту нашу догадку. Ужин проходил на квартире военного атташе на территории посольства США. На нем присутствовали только генерал Пауэлл с супругой Альмой, генерал Говэн с супругой, генералы Кобец, Родионов и я. Переводчиком был ас перевода Питер Апанасенко, обычно сопровождающий президентов и госсекретарей США.

Генерал Пауэлл много шутил, даже пожаловался, что мы своей перестройкой и отказом от холодной войны испортили ему всю жизнь. Раньше он четко знал, кто его противник и что ему делать, а сейчас приходится переделывать все военное планирование. Деликатно заметил, что ему как военному человеку совершенно все равно, насчитывает ли Советская Армия 4 миллиона или 2 миллиона солдат, но что, по его мнению, самому Совет-

скому Союзу было бы легче, если бы он имел два миллиона солдат.

Я решил воспользоваться случаем и спросил генерала Пауэлла, знает ли он, что советский Генштаб считает, что США могут в случае войны выйти на уровень производства 50 тысяч танков в год после шести месяцев мобилизации. Хотя я знал более точные (и еще большие) цифры оценок Генштаба, я умышленно воспользовался, как и в письме Б.Ельцину, официальными данными, опубликованными в печати. Их привел в беседе за "круглым столом" в редакции "Красной звезды" начальник Военной академии бронетанковых войск профессор генерал-полковник В.М.Гордиенко, явно опиравшийся на данные ГРУ<sup>1</sup>. Отношения у нашего Госкомитета с КГБ и Минобороны СССР в то время были натянутыми, и не хотелось давать им повод для обвинений в разглашении секретных данных, какими бы они ни были.

Генерал Пауэлл был явно потрясен моим вопросом. Ударив себя по лбу, он воскликнул: "Невероятно! Это же безумие! Да мы и одной тысячи танков произвести не сможем!". И генерал рассказал, с какими трудностями США пришлось столкнуться, когда они попытались увеличить производство танков после арабо-израильской войны 1973 года.

История эта была мне хорошо известна, ибо я и сам не раз использовал ее в своих попытках добиться пересмотра советской системы мобилизационной подготовки.

Дело в том, что в ожесточенных сражениях с арабами в ноябре 1973 года безвозвратные потери израильской армии составили за 18 дней боев 840 танков, или 42 процента от всего танкового парка (2000 машин) на начало войны.

Уцелевший парк танков также находился в плачевном состоянии, ибо большинство израильских танков было повреждено, иногда неоднократно, на поле боя (всего было повреждено 2500 танков, или 125 процентов от первоначального числа) и возвращено в строй лишь благодаря прекрасной танкоремонтной службе израильской армии. Огромные потери понесли израильтяне и в бронетранспортерах (было уничтожено 1900 БТР, или 43 процента предвоенного парка в 4400 машин).

Арабо-израильская война 1973 года заставила американское командование пересмотреть свою потребность в танках. Впервые, американцам пришлось оголить танковый парк своей военной группировки в Европе, за счет которой США в срочном порядке восполнили танковые потери израильтян. Естественно, командование войск США в Европе потребовало от правительства незамедлительного возмещения своих "потерь".

Однако главная причина возросших потребностей армии США была даже не в этом. Высокий уровень потерь в танках во время войны 1973 года заставил американское командование пересмотреть свои взгляды на уровень собственных потерь в случае возможного крупномасштабного вооруженного конфликта с СССР. Если до 1973 года американцы считали, что такие потери составят 8,6 процента в месяц (для танков М60) от имеющихся в войсках на начало боевых действий, то после арабо-израильской войны они пришли к выводу, что такие потери составят не менее 20,1 процента.

Надо сказать, что американский танковый парк к началу 1974 года насчитывал всего 8226 танков (в 5-6 раз меньше, чем у СССР), из которых лишь 5049 были современными танками М60. Остальные 3177 машин были типа М48 постройки 1953—1959

<sup>1</sup> "Красная звезда", 18 апреля 1991 г.

годов, часть из которых была оснащена огнеопасными бензиновыми двигателями<sup>2</sup>.

Короче говоря, было решено в авральном порядке увеличить закупки танков у американской промышленности.

Смоделировав сценарии будущих боевых действий с учетом опыта войны "Судного дня" 1973 года, Пентагон пришел к выводу, что ему необходимо увеличить ежегодные закупки танков как минимум в 5-12 раз<sup>3</sup>.

И вот тут-то выяснилось, что американская промышленность совершенно не готова к удовлетворению возросших appetитов армии США. Строго говоря, ничего удивительного в этом не было. На протяжении 20 лет, с 1959 по 1979 год, выпуском основных боевых танков в США занимался один-единственный сборочный танковый завод в Детройте. Термин "основной боевой танк" появился в 1960 году, с началом выпуска танка М60, когда США (а вслед за ними и страны НАТО) отказались от существовавшей до этого классификации танков по весовой категории (легкие, средние и тяжелые). Вместо этого они перешли к их делению по предназначению — основные боевые (то есть прежние средние и тяжелые) и легкие разведывательные танки (бывшие легкие).

Выпуск танков на Детройтском заводе упал в 1965—1971 годах до уровня 200—300 танков в год. В 1972 финансовом году Пентагон закупил всего 118 основных боевых танков. Правда, с 1965 года осуществлялся выпуск легких разведывательных танков М551 "Шеридан", однако в 1971 году их производство было прекращено, а Кливлендский завод переключился на разработку перспективного танка ХМ1 (будущий танк "Абрамс").

Естественно, что столь низкий уровень выпуска танков, едва обеспечивавший непрерывность производственного цикла на Детройтском заводе, подорвал привлекательность военного бизнеса для многих поставщиков танковых узлов и компонентов и привел к заметной эрозии субподрядной базы танковой промышленности. Так, если в 1959—1962 годах в США имелось два завода — поставщика танковых корпусов и три завода по отливке танковых башен, а в 1963—1971 годах соответственно по два таких завода, то в 1974 году остался всего один завод фирмы "Блау Нокс" в г.Ист-Чикаго (штат Индиана), способный выпускать немногим более 500 комплектов танковых корпусов и башен в год. И даже после перехода на трехсменную рабочую неделю без выходных завод в Ист-Чикаго смог выпустить всего 512 комплектов корпусов и башен<sup>4</sup>.

У читателя может возникнуть вопрос: а в чем, собственно, проблема? Все, что надо сделать в такой ситуации, — это выделить деньги на расширение закупок крупного броневое литья, расконсервировать резервные литейные заводы, построить, наконец, новые заводы.

С деньгами, действительно, проблем не было. Конгресс без промедления выделил практически неограниченные средства на расширение броневое литья, в том числе 24 миллиона долларов на увеличение мощностей завода в Ист-Чикаго с 500 до 760 комплектов в год, и еще большие суммы на расконсервацию литейного завода в г.Бердсборо (штат Пенсильвания). И тем не менее первый дополнительный танк в результате предпринятых пожар-

<sup>2</sup> Department of Defense Appropriations for 1975. Hearings Before a Subcommittee of the Committee on Appropriations. House of Representatives, December 12, 1974 — March 1975, p.195.

<sup>3</sup> "Proceedings of the North American Defense Industrial Base Association. A Conference on Canada-U.S. Common Defense Sharing Agreements". Ottawa, April 26, 1985, p.58.

<sup>4</sup> Jacques S.Gansler. The Defense Industry. Cambridge, Massachusetts, 1980, p.144.

ных мер по расширению танкового производства США получили лишь спустя 28 месяцев после ассигнования средств на закупку дополнительных танков<sup>5</sup>.

Для понимания возникших трудностей лучше всего предоставить слово самим американским специалистам. Вот что, например, сообщал в своем докладе Министерству обороны США Р.Зильман, технический директор американской ассоциации производителей стального литья, которому Пентагон поручил провести обследование мобилизационных возможностей американской литейной промышленности:

*"Вследствие низкого уровня выпуска танков (достаточного для поддержания в действующем состоянии только одного литейного завода) в последние годы были потеряны кадры квалифицированной рабочей силы и специалистов, резко снизились количество производственного оборудования и его технический уровень. После окончания корейской войны правительство стремилось поддерживать мощности по производству танкового литья в состоянии, позволяющем быстро нарастить выпуск танков в случае возникновения новых чрезвычайных обстоятельств. Однако в конце 60-х годов правительство, судя по всему, отказалось от своей политики поддержания резервной базы производства крупного броневое литья. В результате этого нам сейчас не остается ничего другого, как начинать все заново"*<sup>6</sup>.

Единственно возможным выходом из возникших трудностей с броневым литьем в максимально сжатые сроки Р.Зильман считал расконсервацию завода в г.Бердсборо. (Этот завод был построен специально для выпуска танковых башен и корпусов в конце войны в Корее, но так и не приступил к их производству и был продан частной фирме, которая освоила на нем выпуск мелкого литья для гражданского сектора). Однако и в этом оптимальном случае, по оценке Зильмана, потребуются не менее 22 месяцев для выхода завода на производство 480 комплектов корпусов и башен в год.

Ситуация, сложившаяся в танковой промышленности США в 1973—1978 годах, вынудила Жака Генслера, известного специалиста в области военной промышленности США, сделать вывод, что она, эта ситуация,

*"продемонстрировала полное отсутствие мобилизационного планирования со стороны правительства, особенно на уровне субподрядчиков и поставщиков"*<sup>7</sup>.

А вот как оценивало в это время ту же самую ситуацию ГРУ советского Генштаба.

Изданный в 1975 году под редакцией Маршала Советского Союза В.Г.Куликова (в то время он был начальником Генштаба) объемистый военно-научный труд "Военный потенциал США" утверждал, что основу производственной базы так называемой кадровой (то есть созданной исключительно для производства вооружения) военной промышленности США составляют девять (!) танковых заводов, из которых три суммарной мощностью 27 тысяч танков действуют и еще шесть мощностью 29 тысяч танков в год находятся в резерве. Мощности же всей американской экономики (с привлечением к производству танков по мобилизаци

<sup>5</sup> "A Symposium on Threats to the U.S. Defense Industrial Base". Presented by the ADPA, December 11-12, 1986, Washington, D.C., p.80.

<sup>6</sup> Department of Defense Appropriations for 1975. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Appropriations. House of Representatives, December 12, 1974—March 1975, p.279.

<sup>7</sup> Jacques S.Gansler, Op.cit., p.144.

онному плану заранее подобранных предприятий гражданской промышленности) оценивались в этом и других официальных документах ГРУ с середины 70-х годов в 70 тысяч танков в год (50 тысяч основных боевых и 20 тысяч легких).

Таким образом, реальные мобилизационные возможности только кадровой военной (то есть без учета гражданского сектора) промышленности США, едва способной в это время к выпуску 500 танков в год, завывались в сто раз, то есть на два порядка. Конечно, к подобному приему прибегала и американская сторона.

Аналогично (в десятки раз и более) были завышены в документах ГРУ мобилизационные возможности США и по производству других видов вооружения (самолетов, артиллерийских орудий, БТР, боеприпасов и т.д.). При этом в этих документах особо отмечалось, что вся американская промышленность находится в высочайшей степени готовности к развертыванию массового производства вооружений. Как подчеркивалось в том же труде "Военный потенциал США", согласно **официальным** (выделено мною. — В.Ш.) американским документам, ядро основных отраслей военной промышленности способно организовать массовый выпуск вооружения в течение 90 суток (!) после начала мобилизации.

Вряд ли имелись официальные документы с подобными сведениями. Напротив, имелось огромное количество информации, в том числе и вполне официальной, которая убедительно показывала, что ни значительных резервных мощностей, ни сверхготовности к мобилизационному развертыванию ни у экономики США в целом, ни в военной промышленности в частности не было. Десятки примеров, столь же подробных и достоверных, как и по танкам, можно было бы привести и по другим образцам вооружения, и при том не только США, но и остальных стран НАТО, а также Японии, Израиля и т.д.

Может показаться неправдоподобным, но в такой огромной организации, как ГРУ, в которой только генералов не одна сотня, вплоть до начала 70-х годов не было и десятка сотрудников, занятых изучением и анализом военной экономики зарубежных стран. На помощь была привлечена наука. Еще в 1960 году решением Политбюро ЦК КПСС в Академии наук СССР под крылом Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) был создан засекреченный и довольно мощный (до 300 сотрудников) научный центр со специальной задачей изучения военно-экономического потенциала вероятных противников. Центр скромно назывался Отделом технико-экономических исследований (ОТЭИ ИМЭМО), однако был практически автономен, имел собственную режимную службу, свой "закрытый" Ученый совет и т.д. ОТЭИ работал на самые высокие партийные и правительственные инстанции. С ГРУ руководство ОТЭИ поддерживало самые тесные отношения.

Аналогичные, хотя и гораздо меньшие по численности, научные подразделения по "технико-экономическим" исследованиям были созданы и в других академических институтах международного и гуманитарного профиля (в институтах востоковедения, Дальнего Востока, Латинской Америки, географии и некоторых других). Несколько особняком в этом ряду стоял учрежденный в 1967 году Институт США и Канады (ИСКАН). Его руководители с самого начала отказались от проведения засекреченных научно-исследовательских работ, чтобы иметь большую свободу рук для установления контактов с Западом. Их замысел состоял в том, чтобы превратить ИСКАН в своего рода "дупло" для поддержания неформальных связей между высшим руководством СССР и



США. Правда, в институте был создан военный отдел с командированными офицерами Минобороны, однако он носил в основном представительский характер и должен был облегчать налаживание контактов с американскими военными.

К началу 70-х годов ОТЭИ ИМЭМО стал основным центром изучения военной экономики Запада. В него пришло немало способных ученых и энтузиастов своего дела. Там, в частности, начинал свою карьеру младшим научным сотрудником нынешний директор ОРТ Сергей Благоволин, выросший впоследствии до начальника ОТЭИ. В отделе было подготовлено немало серьезных исследований по военной экономике, в том числе капитальный семитомный труд "Военно-экономический потенциал США", изданный в 1965—1967 годах, естественно, с грифом "совершенно секретно" (в конце 80-х годов труд был рассекречен).

ИМЭМО оценивало мощности кадровой военной промышленности по состоянию на начало 60-х годов в 43,7 тысяч основных боевых танков<sup>8</sup>. Эта цифра отчасти перекликалась с приводимой ГРУ оценкой общих мощностей США по выпуску танков в 70 тысяч единиц в год.

Но, во-первых, данные по мощностям американской танковой промышленности (43,7 тысяч основных танков) ученые приводили по состоянию на начало 60-х годов, когда в США еще имелось несколько крупных резервных танковых заводов мощностью в 30—35 тысяч танков, построенных в годы корейской войны, и которые впоследствии были демонтированы.

И во-вторых, ученые ИМЭМО с академической добросовестностью в отношении приводимых мобилизационных мощностей делали следующую важную оговорку: "Оценка (мощностей. — В.Ш.) для каждого вида конечной военной продукции получается суммированием показателей мощностей кадровой военной промышленности и расчетных величин возможностей ассимиляции гражданских отраслей на выпуск военной техники (результат построения моделей). Построенные рабочие модели военного хозяйства США не дают ответа на вопрос о том, насколько это количество продукции может удовлетворить потребности вооруженных сил страны (подчеркнуто мною. — В.Ш.). Решение этой проблемы выходит за рамки данного исследования".

Эта важная оговорка была полностью проигнорирована ГРУ. Главное объяснение отсутствия мощностей в бронетанковой промышленности США, столь очевидно проявившегося в начале 70-х годов, заключалось как раз в том, что у военного руководства США после корейской войны не было потребности в массовом производстве танков не только в мирное время, но и на случай войны.

Вот что писал в своей книге "История промышленной мобилизации" известный американский военный экономист Р.Воутер:

*"После 1956 года мобилизационные потребности (вооруженных сил США — В.Ш.) упали до столь низкого уровня, что сохранение значительной части созданной во время корейской войны промышленной базы не могло более быть оправданным. Многие заводы и большое количество производственного оборудования были ликвидированы в результате проведения курса на упразднение излишних мощностей... Без обоснованных, стабильных потребностей практически невозможно ни осуществление совместного*

<sup>8</sup> "Военно-экономический потенциал США", т. IV. Изд-во АН СССР, стр.314.

планирования с промышленностью, ни поддержание производственной базы в приемлемом состоянии готовности"<sup>9</sup>.

В подготовленной в Военно-промышленном колледже вооруженных сил США в 1983 году работе "Методы, используемые видами вооруженных сил для определения номенклатуры и количественных мобилизационных потребностей в системах оружия" констатировалось:

*"Планирование мобилизационных потребностей (в США — В.Ш.) осуществляется в крайне ограниченных размерах. Не ведется какого-либо планирования на случай конфликтов продолжительностью свыше 180 суток. Какие-либо официальные потребности на случай всеобщей мобилизации отсутствуют"*<sup>10</sup>.

Р.Воутер прямо возлагал ответственность за ослабленную мобилизационную готовность промышленности на Пентагон.

*"Основная причина, почему Министерство обороны не может сказать промышленности, что ему нужно в случае мобилизации, заключается в том, что рассчитанные мобилизационные потребности по многим изделиям настолько малы, что попросту не оставляют места для серьезного диалога с промышленностью"*<sup>11</sup>.

Я не буду сейчас рассматривать вопрос о том, почему Пентагон мог считать, что ему не понадобятся танковые армады в случае войны. Хочу только подчеркнуть, что у меня нет сомнений, что при нормальном развитии событий Академия наук СССР и, в частности, ИМЭМО разобрались бы в конце концов в системе мобилизационной подготовки США и других стран Запада и внесли бы в свои оценки мобилизационных мощностей западных стран соответствующие поправки. Но, видимо, приходилось считаться с давлением военных. Если бы была дана правдивая оценка и если бы ее положили в основу политики, то и гонка вооружений в СССР пошла бы скорее всего в другом направлении, а главное, на убыль, и мы бы жили теперь много лучше.

Генштаб, через разведку, решил отбросить оговорки академических ученых, которые, по его мнению, лишь вели к недооценке военных угроз со стороны Запада, и взял все дело оценки мобилизационных возможностей стран НАТО, Китая, Японии и других потенциальных противников социалистического лагеря в собственные руки.

Для советского ВПК это было искомым оправданием гонки вооружений. Американская разведка в этом деле от своих московских коллег отнюдь не отставала.

<sup>9</sup> Roderick L. Vawter. *Industrial Mobilization: The Relevant History*. Washington, 1983, p.51.

<sup>10</sup> "Service Methods for Determining Inventory and Mobilization Numerical Requirements for Weapon Systems". *Industrial College of the Armed Forces, Washington, May 1983, p.59.*

<sup>11</sup> Roderick L. Vawter, *Op.cit.*, p.90.